
Г. В. МАРКЕЛОВ

Старобрядческая исповедь для иконописца

В русской православной церкви таинство покаяния как богоучрежденного священного действия приобрело законченные формы только к XVII в. Чинопоследование покаяния, называемое Чином исповеди, вошло в старопечатные книги уже в дониконовский период и в этом древнейшем варианте с незначительными изменениями и дополнениями было перенесено в богослужебную практику старообрядцев. Древнерусский Чин исповеди представлял собой обрядовый диалог между пришедшим на покаяние христианином и испытующим его священником. В этот диалог входили обязательные элементы, образующие его каноническую форму. В самых общих чертах покаяние происходило следующим образом. Священник обязан был досконально расспрашивать кающегося о его личности, о сущности его прегрешений и нарушений Божиих заповедей, о том, где, как, когда и по какому побуждению это нарушение произошло. Кающийся должен был подробно и прямо ответить на заданные вопросы, после чего священник требовал произнесения символа веры для удостоверения того, что пришедший к покаянию верует православно и несомненно. После чего священник либо «разрешал» кающегося, т. е. отпускал ему грехи в случае искреннего раскаяния, либо налагал соответствующие проступку епитимии. Епитимиям была издревле установлена подробная регламентация, содержащаяся в разнообразных правилах Номоканона или «Законоправильника». Легкие прегрешения отпускались тут же воздействием «разрешительной» молитвы, и кающийся, напутствуемый увещеваниями, допускался к причастию.¹

Приведенный порядок чинопоследования встречается в основном в многочисленных рукописных требниках XIV—XVI вв. С незначительными отличиями ту же структуру чина можно найти и в старопечатных требниках XVI—XVII вв. Частные отличия в Чине исповеди, встречающиеся в древнерусских книгах, вызваны прежде всего различиями в социальных категориях исповедующихся. Так, уже в требниках XVI в. появляются особые статьи, содержащие специальные вопрошания к князьям, боярам, детям боярским, вообще к мирским властителям и вельможам, а также к приказным и служащим у властей. Здесь же находят нарочитые вопросы к поселянам и торговым людям. В старопечатных требниках уже содержатся и более дифференцированные статьи, обращенные к женатым или холостым мужам, девицам или замужним женам, вдовам, детям разных полов, грамотным или «не умеющим гра-

¹ Новая скрижаль М., 1992 Т. 2 С. 367—370. Многие аспекты древнерусской покаянной дисциплины исследованы в кн. Смирнов С. Древнерусский духовник М., 1913.

моте» и т. д. Наконец, среди текстов XVII в. встречаются специальные вопросы для исповеди патриарха и даже самого царя.²

Нередко тексты Чина исповеди состоят не только из вопросов о прегрешениях кающегося, но и включают также ответы исповедников. Эти « типовые » ответы в сущности во всем повторяют порядок вопрошаний и излагаются в утвердительной форме с предваряющим сказуемым «согреших» (Согреших в том-то и в том-то, тогда-то и там-то).³ Такие «отвещения» на исповеди назывались «поновлением», ибо чистосердечное покаяние освобождает христианина не только от груза прегрешений, но и *обновляет* его душу как бы вторым крещением.⁴

Как известно, старообрядцы—беспоповцы сохранили у себя таинства покаяния и вынуждены были сосредоточить в нем значительную часть своего религиозного чувства, поскольку некоторые другие важные церковные таинства беспоповцы отвергли. По этой причине беспоповский чин исповеди постоянно подвергался корректировкам в сторону расширения как номенклатуры статей, так и регламентации самой покаянной дисциплины.⁵ Любопытным примером такого расширенного старообрядческого чинопоследования исповеди является текст XIX в., ставший нам известным по рукописи из фонда Древлехранилища Пушкинского Дома, колл. И. А. Смирнова, № 7. Рукопись впервые упомянута В. И. Малышевым как Чин (поморский) исповеди.⁶ В 1960-х гг. А. С. Демина, описывая коллекцию И. А. Смирнова, назвал эту рукопись Треником поморским.⁷ Ниже приводится описание рукописи с нашим названием:

Сборник исповедальный. XIX в. (начало), в 4-ку, 178 л.; л. 2—162 переписаны полууставом, близким к поморскому типу почерка; л. 163—171 — беглый полуустав; л. 172—175 — подражание печатному шрифту; л. 1, 176—178 — без текста, заглавия и буквы выполнены киноварью, переплет — доски в тисненой коже, сохранилась одна из двух медных застежек. Бумага с фабричными «белыми» датами «1806» и «1807» гг. На верхнем форзаце карандашная помета «Иван Степанович Укашин» (?), помета о поступлении рукописи в РО Пушкинского Дома в 1956 г. и помета карандашом «Г. Скачков?» (рукою В. И. Малышева?). На л. 1 чернильный штамп библиотеки Ивана Алексеевича Смирнова.

² Алмазов А. Тайная исповедь в православной церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 3. С. 170, 171, 174, 185, 207.

³ Например, в тексте XVII в. «поновления» инокам есть вставка: «Се писарям: Согреших, преписывая святая Божественная писания святых апостол и святых отец по своей воли и по своему недоразумению, а не якож есть писано». См.: Алмазов А. Тайная исповедь... Т. 1. С. 368.

⁴ В тексте Чина исповеди из Треника XVII в. есть следующие слова, которые произносит священник перед пришедшим на покаяние человеком: «Се ныне, чадо, *обновитися* (курсив мой. — Г. М.) хочещи святым сим покаянием» (Треник. М., 1625. Л. 162). Часто встречающийся среди старообрядческих рукописей XVIII—XIX вв. текст «Скитского покаяния» является, в сущности, текстом такого общего «поновления», предназначавшимся для чтения дома или в келье без участия священника или духовного отца.

⁵ В указателе В. Г. Дружинина отмечены «Чин исповеди беспоповинский» и «Устав Выговский об исповеди» («Отцем духовным на исповеди лепо вопрошати. Первое: не имеет ли кто сокровеннаго сребра, денег и прочее...»), см.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 462, № 846; с. 453, № 804.

⁶ Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: Обзор фондов. М.: Л., 1965. С. 144.

⁷ См. опись А. С. Демина в формуляре коллекции И. А. Смирнова в Древлехранилище ИРЛИ. Самоназвания рукописи не имеет.

Содержание:

«Оглавление (л. 2), Предупреждение духовнику (л. 4 об.), Предварительное ведение о новоприходящих (л. 9 об.), Чин исповедания (л. 11 об.). **Вопросы о грехах.** Статья всеобщая (л. 18), Статья 2. Вопросы различные по чинам и состоянию. Духовникам (л. 39 об.), Статья 3. Клирошанам (л. 43), Статья 4. Иконописцем (л. 44 об.), Статья 5. Господам или хозяевам (л. 46), Статья 6. Купцам, торговым (л. 47), Статья 7. Златоделателям (л. 48), Статья 8. Шелковникам (л. 48 об.), Статья 9. Портным (л. 49), Статья 10. Златошвейам и низалщицам (л. 49 об.), Статья 11. Сапожникам (л. 50), Статья 12. Медникам (л. 50 об.), Статья 13. Кузнецам (л. 51), Статья 14. Мелникам (л. 51 об.), Статья 15. Работникам и поденщикам (л. 52), Статья 16. Хлебопахателям и сенокос(цам) (л. 52 об.), Статья 17. Нищим (л. 53), Статья 18. Учителем писания (л. 52 об.), Статья 19. Судиям (л. 54), Статья 20. Неженатым (л. 55), Статья 21. Вопросы женатым (л. 57), Статья 22. Вдовцам (л. 64), Статья 23. Вопросы женкому полу. Девицам (л. 65), Статья 24. Женам мужним (л. 67), Статья 25. Вдовицам (л. 75). **Поновление.** К статьи первой, всеобщее (л. 76 об.), К статьи 2. Поновления различная по чинам и состоянию. Духовников (л. 89), К статье 3. Клирошан (л. 92 об.), К статьи 4. Иконописцев (л. 94), К статьи 5. Господ и хозяев (л. 95), К статьи 6, Купцов, торговых (л. 96 об.), К статьи 7. Златоделателей и среброде(лателей) (л. 96 об.), К статьи 8. Шелковников (л. 97), К статьи 9. Портных (л. 97 об.), К статьи 10. Златошвей и низалщиц (л. 98), К статьи 11. Сапожников (л. 98 об.), К статьи 12. Медников (л. 99), К статьи 13. Кузнецов (л. 99 об.), К статьи 14. Мелником (л. 100), К статьи 15. Поденщиков и прочих (л. 100 об.), К статьи 16. Хлебопахателей и сенокос(цев) (л. 101), К статьи 17. Нищих (л. 101 об.), К статьи 18. Учителей писания (л. 102), К статьи 19. Судей (л. 102 об.), К статьи 20. Неженатых, впадших в расстройство (л. 103), К статьи 21. Женатых мужей (л. 104), К статьи 22. Вдовцев (л. 107 об.), К статьи 23. Девице (л. 108), К статьи 24. Жен мужних (л. 109 об.), К статьи 25. Вдовице (л. 113), Окончание. По исповеди всех грехов... (л. 114), Поучение кающемуся (л. 119 об.), Рассмотрение о епитимиях (л. 128), Вопросы не умеющим грамоте, принадлежащая к началу исповеди (л. 130), Десять заповедей (л. 131 об.), Семь дел милости духовных (л. 133), Семь дел милости телесных (л. 134 об.), Показание различных грехов (л. 136), Грехи вопиющыя на небо (л. 137 об.), Грехи противу Сына Человеческаго (л. 139 об.), Грехи противу Духа Святаго (л. 140 об.), Грехи бывають по четьрем причинам или винам (л. 143 об.), О подробности вопросов (л. 144), Из епитимейника (л. 153), О спасительных плодах исповеди (л. 163), Како покаяние подобает приносити заблаговременно (л. 165 об.), Яко Христос с слезами и исповеданием грехов преклоняется к прощению (л. 167 об.), О милосердии Божии к грешникам кающимся (л. 169 об.), Выписки из чина исповеди (без заглавия) (л. 172)».

Наибольший интерес в сборнике вызывают тексты, неизвестные по другим старообрядческим спискам, которые начинаются в Сборнике со второй статьи (л. 39). Здесь приведены перечни вопросов, которые должны были задаваться на исповеди различным категориям («чинам») членов беспоповской общины. Номенклатура вопросов затрагивает специфические стороны деятельности каждого из «чинов» в соответствии с их профессиональной сферой деятельности. После вопросов в Сборнике помещены «поновления» для каждого чина. Завершается рукопись текстами

наставлений для кающихся, «рассмотрениями» о епитимиях, перечнями злых и добрых дел и т. д.

Среди статей Сборника наше внимание привлекли тексты, связанные с иконопочитанием и иконописцами. Уже в начальном разделе рукописи в «Статье первой всеобщей» содержатся вопрошания об иконах, которые надлежало задавать в начале исповеди всем пришедшим прихожанам, поскольку в этих вопросах заключались важнейшие положения вероисповедного характера. В числе таких вопросов значатся следующие: «Креста Христова или святых икон ради уверения чего в правде или не целовали и других к тому не приводил ли или приводить не советовал ли?»⁸ Не подымал ли икону на руки, божася, и других к сему не приводил ли и не советовал ли кому делать так? ...Писания святых икон не хулил ли⁹ и других к тому не доводил ли, или что неподобного и худного о святых иконах не помышлял ли или кому не говорил ли? Не называешь ли святых иконы Богом и не воздаешь ли им Божию чести и прочих не научал ли?¹⁰ Не полагаешь ли особенного упования или надежды на каких святых иконы? Не вымышлял ли каких чудотворений ложно святым иконам или кого не научал ли или научать не советовал ли? Не становишь ли свещ или масла, уважая токмо икону, а не того, кто вообразен на иконе, или не дельвал ли сего токмо ради тщеславия? Не дельвал ли на святых иконы окладов не ради того, чтоб почтить того святого, чья есть икона, но ради тщеславия? Также не дельвал ли окладов на чужия денги с обидой ближняго? Не грабил ли святых иконы или что не брал ли с них тайным образом? Или не имел ли намерения ограбить святую икону или взять с нея тайно какую полюбившуюся вещь, как то: крест, камень, жемчуг или что иное и не научал ли или не советовал ли кому? Для святых икон на оклад свещи, масло, ладан ложно не собирал ли или кого не научал ли и не советовал ли кому?».

Вопросы об отношениях к иконам, издревле входившие в число обязательных общих вопросов на исповеди, встречаются во всех древнерусских тревниках. В нашей рукописи обращают на себя внимание по крайней мере два важных аспекта, которые выделены в виде вопросов о поругании иконных изображений и о ложном поклонении иконам как «богам». Надо полагать, что для строобрядческих наставников-духовников, приводивших к исповеди и покаянию свою паству в начале XIX в., указанные вопросы сохраняли вероучительную проблематику. В обиходном сознании допускалось различное отношение к иконам (вспомним русскую пословицу «Годится — молиться, а не годится — горшки покрывать», примету «Икона упадет — к покойнику» или присловье «Я хоть

⁸ В церковных и монастырских Обиходах встречаются специальные «уставцы» о целовании икон. Например, в рукописной поморской копии с обиходников Кирилловского и Троице-Сергиева монастырей, сделанной Ф. П. Бабушкиным, говорится, что братия вслед за игуменом целует лежащую на аналое икону «...Спасов образ в ногу, Нерукотворенный ж Спасов образ в косу, пресвятая Богородицы образ в руку и святого образ в руку» (БАН, собр. Дружинина, № 327, л. 89 об.) Обычай целовать иконы по разным случаям отражен в поговорке «Наперед икону целуй, там отца и мать, а там хлеб-соль». В Стоглаве целование икон отмечено в следующей статье 38-й главы: «Всего злее, еже крест животворящий целовати на криве или икона святая Богородицы или иного коего святого образ», см.: Стоглав. Издание Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863. С. 121.

⁹ Ср. вопрос в Чине исповеди: «Не похулил ли иконного мастерства и не пресмеял ли?» (по рукописи конца XIX в. Дрвলেখранилища, Усть-Цилемское собр., № 18, л. 150).

¹⁰ Ср. вопрос в поморском Чине исповеди XIX в.: «...иконного изображения богами не называл ли?» (по рукописи Дрвলেখранилища, Латгальское собр., № 452, л. 118 об.). С этим же положением связано и запрещение *божбы* перед иконами.

образ со стены сыму» (чтобы поклясться)), коренившееся в исконном двоеверии простонародья.

В рассматриваемой рукописи содержится уникальный текст особой исповеди и поновления для иконописцев, раскрывающий некоторые особенности их частной жизни и профессиональной сферы деятельности. Приведем эти тексты полностью:

Л. 44 об. «Статья 4. Иконописцем.

- (1) Со истинным ли намерением писал и пишешь святые иконы для почести и поклонения?
- (2) Стараешься ли о истовом воображении святых образов, чтоб были первообразным, а не развращенно видимым?
- (3) Не обманывал ли кого, променивая неискусно написанную икону, называя, что она есть самого лучшего мастерства?
- (4) За написание святых икон не брал ли неумеренныя цены и тем не обидел ли ближнего?
- (5) Не хулил ли подобнаго себе иконописателя, от зависти укаряя его мастерство для собственнаго приобретения?
- (6) Давая кому писать для своего пособия, не обижал ли за его труды ценою, и хорошо написанное не хулил ли?
- (7) Починивая кому иконы, не пременил ли, оставя себе лучшаго мастерства, а у кого взял, тому отдал нискаго?
- (8) Работников твоих или учеников не обижал ли ценою, пищею и одеждою и без вины не бивал ли?
- (9) Быв с женою и не омывшись, не принимался ли или и не писал ли святых икон?
- (10) На поругание и осмеяние еретикам или инославным святых икон не писал ли и не променивал ли?».

Л. 94 «ПОНОВЛЕНИЯ к статьи 4. Иконописцев.

- (1) Согреших, иногда с намерением лестным и нестаранием о истовом воображении писал святые иконы?
- (2) Согреших, променивая иконы, иногда имел лесть и обман, называя и уверяя низкое мастерство высоким и хорошим мастерством?
- (3) Согреших, за написание святых икон иногда с незнающих брал неумеренную цену, а кому давал писать для моего пособия, тех за труды обижал ценою?
- (4) Согреших, иногда хулил от зависти подобнаго себе иконописателя, и укаряя его мастерство?
- (5) Согреших, иногда хулил от зависти подобнаго себе иконописателя?
- (6) Согреших, починивая кому иконы, иногда переменявал оныя, оставя себе лучшую, а у кого взял, тому отдавал низкаго мастерства?
- (7) Согреших, иногда обижал ценою работников и учеников моих?
- (8) Согреших, иногда быв с женою моею и не омывшись, различных ради случаев, принимался, а иногда и писал святые иконы?
- (9) Согреших, иногда писах святые иконы для внешних, хотя и не на осмеяние и поругание, но по их усердию на почесть и поклонение?

Напомню, что в нашей рукописи чин иконописцев занимает в перечне исповедующихся место между духовниками и клирошанами. Такое достаточно высокое положение иконописцев в церковной иерархии старообрядческой общины имеет древние корни. Среди древнерусских памятников об этом свидетельствуется, в частности, в Стоглаве. В 43-й главе памятника церковным властям предписывалось «...бречи о многоразличных церковных чинех, паче о святых иконах и о живописцех и о прочих церковных чинех...».¹¹ В отношении особо выдающихся мастеров Стоглав призывал «...царю таких живописцов жаловати, а святителем их бречи и почитати паче простых человек...».¹² Из текста нашей исповеди явствует, что иконники и в старообрядческих общинах XVIII—XIX вв., согласно

¹¹ Стоглав. С. 150.

¹² Там же. С. 151, 297.

древнейшей традиции, признавались «паче простых человек», следуя сразу после духовников-наставников.

Обратимся непосредственно к содержанию вопросов исповеди. Первый вопрос затрагивает личное отношение иконописца к своей работе. Подразумевалось, что благочестивый иконник пишет иконы для благочестивого же почитания, а не работает ради mzды. Об «истовости» икононого изображения, т. е. о соответствии его «первообразным» иконам, гласит второй вопрос исповеди.¹³ В нем идет речь об установленном соответствии новонаписанных икон иконографическому канону. Этот важнейший аспект церковно-православного искусства сформулирован в 5-й главе Стоглава о церковном строении, в третьем царском вопросе о святых иконах: «...по божественным правилам, по образу и по подобию и по всякому существу образ Божий написати и пречистые Богородицы, и всякаго святаго, угодников Божиих, и о всем свидетельствовати в писаниих Божиих у вас есть...».¹⁴ Далее, в 41-й главе Стоглава это положение конкретизируется: «Писати иконы с древних переводов, како греческие иконописцы писали и како писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы..., а от своего замышления ничтоже предтворяти».¹⁵ В 43-й главе «О живописцах и честных иконах» Стоглав еще раз указывает иконописцам: «...с превеликим тщанием писати и воображати на иконах и на дсках Господа нашего Иyса Христа и Пречистую Его Богоматерь... и всех святых по образу и по подобию и по существу, смотря на образ древних живописцев и знаменити с добрых образцов».¹⁶

Третий вопрос исповеди касается добросовестности при продаже иконы. Согласно древней традиции готовую икону нельзя было продать на торгу как обыкновенное рукоделие, ибо этого не допускала сама сакральная сущность образа (святые не продаются). Поэтому имевшая место фактическая продажа икон именовалась в старину эвфемизмами: менять, променивать, обменивать и т. п. Содержание третьего вопроса корреспондирует с текстом Стоглава. В 43-й главе памятника указывается: «...а которые иконники неучи по се время писали не учася, самовольством и самоловкою и не по образу, и тех иконы променяли дешево простым людям поселяном невежам, и тех положити в запрещение, чтобы училися у добрых мастеров, и которому даст Бог учнет писати по образу и по подобию, и то бы писал, а которому не даст Бог, и им впредь от такового дела престати, да не Божие имя от такового писма похулится. Аще которые не престанут от такового дела, таковыи царскою грозою накажутся...».¹⁷ В приложении к основному тексту Стоглава приведено еще одно определение о торговле «в рядах» дурно писанными иконами: «Оговорити государю о иконописцах, чтобы на Москве и по всем городом немастерское писмо в рядах иконы собрати, и допытатися тех иконописцев, и впредь им не велети икон писати, дондеже научатся у добрых мастеров».¹⁸

С третьим вопросом тематически связан четвертый вопрос исповеди о взимании неумеренной цены за икону. И этому вопросу имеется соответствие в первоисточниках XVI в. В известном «Сказании о святых ико-

¹³ С этим вопросом корреспондирует встречающийся в текстах иноческого покаяния текст: «Взирах на святые иконы с помысли неподобными», см.: Алмазов А. Тайная исповедь... Т. 1. С. 215.

¹⁴ Стоглав. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 151.

¹⁷ Там же. С. 152—153.

¹⁸ Там же. С. 310.

нах» Максима Грека в 6-й главе находим следующий текст: иконописец «...ценою сребра да не отягчит святых иконы, но доволен будет от имущаго прияти на пищу и одежду и на рукоделие шаровнаго запасцу». При этом и заказчику икон подобает «...не оскудити, удоволити честнаго изографа, якоже должно и удобно, да не стужает о неких нужных потребах нань».¹⁹ Заметим, что сочинения Максима Грека оказали заметное влияние на тексты решений Стоглавого собора, в том числе и на формулировки положений, касающихся иконописания и самих иконописцев.²⁰

Пятый вопрос исповеди снова касается личных качеств иконописца как христианина. В вопросе однозначно порицается чувство зависти к другому мастеру. В Стоглаве грех завистничества также упоминается, однако объектом его указывается ученик живописца: «...аще которому ученику открыет Бог такое рукоделие иконнаго писма, и жити учнет по правильному запрещению, а мастер учнет хулити его по зависти, дабы не приял чести, яко же и он прия, святитель же обыскав, полагает такового мастера под запрещением правильным, ученику же подает вящую честь».²¹ Отношения мастера и учеников (или работников) посвящены также шестой и восьмой вопросы исповеди. В Стоглаве та же тема предстает в виде прямой инвективы: «Аще кто от тех живописцев учнет сокрывати талант, еже дал Бог, и учеником по существу того не даст, таковой осужден будет от Бога со скрывшими талант в муку вечную»²² — и далее: «...живописцы, учите учеников без всякого коварства, да не осуждены будете в муку вечную».²³

Седьмой вопрос исповеди — о починке (поновлении) икон, которая была обычным делом, издревле практиковавшимся в среде иконописцев. В Стоглаве зафиксировано близкое по смыслу обращение к протопопам и священническим старейшинам: «...во всех святых церквах дозировать святых икон..., и которые будут святые иконы состарилися, и те иконы старья велети иконникам починивати, а которые иконы мало олифляны и те бы иконы велели олифити...».²⁴

Формулировка девятого вопроса исповеди недвусмысленно свидетельствует о статусе старообрядческого иконописца как человека женатого. Отсюда следует, что рассматриваемый текст происходит из старообрядческой общины, признающей брак законным. Такой общиной могла быть одна из беспоповских общин поморского согласия, обосновавшихся в Москве или Петербурге.²⁵ Ко времени написания нашей рукописи — началу XIX в. — среди бракоприемлющих общин была, например, Монинская в Москве, возглавлявшаяся с 1808 г. наставником Г. И. Скачковым, имя которого мы встречаем на форзаце нашей рукописи. Примечательно, что Г. И. Скачков организовал при Монинской молельной иконописную палату, которая приносила общине большой доход и произведения которой распространялись по всей России.²⁶ Известно также, что Г. И. Скачков неоднократно пытался вводить разного рода чинопоследования собственного сочинения, с помощью которых регламентировалась обрядовая практика управляемой им об-

¹⁹ Философия русского религиозного искусства: Антология. М., 1993. С. 48. Ср.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С. 138—139.

²⁰ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 119, примеч. 56.

²¹ Стоглав. С. 152.

²² Там же.

²³ Там же. С. 154.

²⁴ Там же. С. 95.

²⁵ В беспоповских общинах федосеевцев иконописцы могли быть только девственниками, и их статус был почти приравнен к статусу настоятеля. См.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие... С. 134.

²⁶ Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 260.

щины. В частности, перу Скачкова принадлежат: Чин брачного молитвословия, Чин приема в поморскую церковь от федосеевцев и филипповцев, Чин очищения родившей жене отроча, Чин певаемый во время сочетания брака и др.²⁷ В «Историческом словаре» Павла Любопытного отмечено сочинение Скачкова под названием «Прекрасный, легкий и удобный чин церковного исповедания, выражающий грехи людей в родах народного звания»²⁸ (курсив мой. — Г М) Не исключено, что рассматриваемая нами рукопись содержит именно это сочинение Скачкова.

С девятым вопросом исповеди соотносится и положение Стоглава. В 43-й главе Стоглава засвидетельствовано допущение семейного положения иконописца как «сочетавшегося законным браком»: «Подобает бо быти живописцу смирну и кротку, благоговейну, не празднословцу, ни смехотворцу, ни сварливу, ни пьяницы, ни убийцы, но же всего хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением, не могущим же до конца тако пребыти — по закону женитися и браку сочетатися, и приходи ко отцем духовным часто на исповедание».²⁹

Наконец, десятый вопрос исповеди касается предполагаемой продажи икон лицам иных конфессий, что, вероятно, жестко порицалось в старообрядческих общинах. В Стоглаве этот вопрос не затронут, однако уже упоминавшееся сочинение Максима Грека содержит следующий запретительный пассаж: «...а неверным и иностранным, паче же рещи нечестивым и поганым арменом святых икон не писати, и на сребро и злато не меняти. Писано бо есть: не дадите святая псом».³⁰ Между тем, как свидетельствует сложившаяся в российском иконописании практика, иконы старообрядческого письма весьма часто находили применение в быту православных верующих-«никониан». Иконописцы-старообрядцы нередко исполняли заказы «никониан» по их «усердию», что недвусмысленно зафиксировано в тексте «поновления» девятого вопроса исповеди. В разных слоях православного общества любили традиционную икону, написанную старообрядцами по старым русским канонам, отдавая ей предпочтение перед новой церковной живописью, создававшейся по правилам «синодального реализма».

Содержание вопросов и «поновлений» исповеди приводит к следующим выводам. В тексте отражена сложившаяся в определенной старообрядческой среде практика регулярного покаяния иконописца перед духовным отцом.³¹ По смыслу задаваемых вопросов видна четкая ориентация жизни иконописцев на строгие идеалы трехвековой давности, отраженные в ряде статей Стоглава.³² Списки Стоглава во множестве встречаются в

²⁷ Перечень сочинений Г И Скачкова см Любопытный П О Исторический словарь и каталог и библиотека староверческой церкви М., 1866 С 91—96, Дружинин В Г Писания русских старообрядцев СПб., 1912 С 251—255 Здесь Чин исповеди среди сочинений Скачкова не упомянут

²⁸ Любопытный П О Исторический словарь С 94, № 268

²⁹ Стоглав С 150

³⁰ Философия русского религиозного искусства С 48

³¹ О необходимости систематического покаяния иконописцев в Стоглаве говорится «приходити ко отцем духовным часто на исповедание и во всем извещатися, и по их наказанию и учению в посте и молитве пребывати, кроме всякаго зазора и бесчинства», см Стоглав С 150

³² «Моральный кодекс для иконописцев брался, как правило, из 43-й главы Стоглава и подкреплялся ссылкой на Кормчую письменную, глава которой „Сказание о иконописцах, каковым быти подобает“ представляла собой выпись из Исидора Пелусийского Их связь между собой несомненна, поскольку Кормчая, как известно, составлялась Макарием накануне Стоглавого собора», см Тарасов О Ю Икона и благочестие С 132

разных собраниях старообрядческих рукописей, поскольку староверам-начетчикам Стоглав служил опорным первоисточником и по многим другим вопросам. Более того, подборки статей из Стоглава с присовокуплением соответствующих слов Максима Грека почти всегда встречаются в виде вступительных глав в особых книгах русских иконописцев, а именно — в иконописных подлинниках, служивших не только справочниками или практическими пособиями для работы, но и комплексными руководствами в теоретических вопросах иконописания. По всей вероятности, именно эти вступительные главы подлинников и послужили автору исповеди текстовыми источниками. Установки Стоглавого собора 1551 г. об иконописи и иконописцах сохраняли действенную силу и в начале XIX столетия,³³ поскольку в них были концентрированно выражены не только главные принципы православного отношения к иконе и иконописцам, но и незыблемые нормы христианской этики живописца.

³³ Характерно, что и в начале XX в. «возрождался не только средневековый художественный язык иконы, но и средневековая нравственно-религиозная модель иконописца. Ориентация на Стоглав недвусмысленно прозвучала при открытии (иконописной) школы в Палехе...», учащиеся которой должны были быть подготовлены к вступлению в учебную мастерскую «согласно учению Стоглава», см.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие... С. 281.